

СОЦИАЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ КИТАЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Ли Хунцзюань

Доцент, Хэйхэский университет, КНР
bnulihongjuan@mail.ru

SOCIAL AND CULTURAL LIFE OF RUSSIAN MILITARY EMIGRATION IN NORTHEAST CHINA IN THE FIRST HALF OF THE TWENTIETH CENTURY

Li Hongjuan

Summary: The article examines the socio-cultural aspects of the life of the Russian military emigration in China up to the middle of the XX century. It is noteworthy that the greatest flow of Russian military emigration occurred during the revolution and the Russian Civil War of 1917-1920. Representatives from among the former military were the most active layer in the political and social life of Russian emigration in China. Military emigrants have also played an important role in the development of education and the Chinese economy. Russian military emigration, despite the negative socio-political situation, had a tangible impact on Russian youth, preserving Russian spiritual, cultural and patriotic traditions in an alien culture.

Keywords: Russians, military emigration, Northeast, China, social, cultural life, traditions, historical context.

Аннотация: В статье рассматриваются социально-культурные аспекты жизни военной русской эмиграции в Китае вплоть до середины XX века. Примечательно, что наибольший поток русской военной эмиграции приходится на время революции и Гражданской войны в России 1917–1920 годы. Представители из числа бывших военных Российской Империи являли собой наиболее активный пласт в политической и социальной жизни русской эмиграции в Китае. Военные эмигранты также сыграли немаловажную роль в процессе развития образования и становления экономики Китая. Вопреки негативной социально-политической ситуации, военная эмиграция оказала ощутимое влияние на русскую молодежь, сохранив русские духовные, культурные и патриотические традиции в условиях чуждой культуры.

Ключевые слова: русские, военная эмиграция, северо-восток, Китай, социальная, культурная жизнь, традиции, исторический контекст.

Начало XX века было ознаменовано самой большой в истории России волной эмиграции. Октябрьская революция 1917 года стала импульсом для массового бегства из России. Миллионы людей были вынуждены уехать из России в результате революции и Гражданской войны.

Многие русские эмигранты выбрали местом проживания Китай по причине доступности пересечения границы, поскольку Китай был единственным сопредельным с Россией государством, куда был разрешен беспрепятственный въезд, так как граница была практически открыта [1]. Актуальность рассматриваемой темы обоснована тем, что русская военная эмиграция представляла существенную часть эмигрантского сообщества и сыграла ведущую роль в политической, социальной, экономической и культурной жизни русских эмигрантов на территории Китая. Таким образом, исследование аспектов жизни военной эмиграции как значимой составляющей русской диаспоры в Китае, внесенной в многообразие исторических работ, открывает возможность изучения всего эмигрантского сообщества и способствует дополнительному освещению страниц

истории российско-китайских отношений.

Территориальные рамки исследования обусловлены областью исторически сложившихся северо-восточных районов Китая, где были сформированы самые многочисленные русские концессии.

Значительную часть русского эмигрантского сообщества составляли военные царской армии, которые в жесточайших сражениях с Красной армией отступали на восток страны, и присоединялись к армии Колчака. Часть соединений, добравшись до Сибири, свободно пересекали российско-китайскую границу и оказывались на территории Северо-Восточного Китая. [2]. По Китайско-Восточной железной дороге из Сибири в Маньчжурию следовали эшелоны с ранеными, а также тысячами беженцев, среди которых было немало офицеров. Другая часть воинских соединений попадали в Китай через территорию Приморья и Приамурья.

Но окончание Гражданской войны не для всех белогвардейцев стало завершением военной службы. Многие русские военные эмигранты приняли участие в междоусобных войнах Китая в качестве наёмников, тем

самым меняя ход китайской истории.

Русские военные эмигранты в Китае представляли собой общность, объединенную одним прошлым и настоящим, значимым элементом которой, была потеря родины и неприятие советской власти, наделенную комплексом идентификационных признаков, обладающую своей исторической, политической, экономической, и культурной идентичностью.

Большинство русских эмигрантов нашли пристанище на исторически связанных с Россией территориях, таких как Харбин, Шанхай, Пекин, Далянь, Тяньцзинь и Циндао. В Пекине было сформировано Общество русской эмиграции [3].

Оказавшись в азиатской стране, с совершенно чуждыми традициями и укладом жизни, русские эмигранты столкнулись с потребностью сохранения своих культурных ценностей. Что, в свою очередь, в значительной степени способствовало открытию русских учебных заведений, торговых представительств и православных церквей, также на территории Китая функционировало немало военных организаций, молодежных союзов и молодежных объединений.

Харбин стал уникальным первым известным городом в Китае, культурным и административным центром, где русское население значительно превышало коренное и насчитывало более 120 тысяч человек.

Город был пропитан русским духом и отражал уклад жизни в дореволюционной России, став официальной русской колонией, где процветала промышленная деятельность и торговля. В первые годы появились самостоятельные градостроительные образования, такие как Новый город, Старый Харбин, Пристань, Мостовой посёлок и др. В Харбине было открыто российское консульство, администрация Китайско-Восточной железной дороги, а также торговые представительства, функционировали исследовательские и образовательные учреждения, почта [4].

Русские эмигранты жили в Харбине наполненной жизнью. Исторические материалы разных лет свидетельствуют о том, что русские переселенцы в Харбине пребывали преимущественно в «русском мире». Практически малая часть русских была заинтересована в изучении языка и культурных традиций Китая. Большая часть русских эмигрантов, в контакте с местным населением, использовала упрощённую коммуникативную форму на основе русского языка - русский пиджин [5].

В окрестностях Харбина была сосредоточена вся культурная жизнь Маньчжурии. Русский язык стал сред-

ством самостоятельного бытования. Русскую речь можно было слышать повсеместно: на улицах, в театрах, в учреждениях образования, культуры и торговли. Рекламные щиты пестрели вывесками на русском языке.

Активно развивалась образовательная сфера: открывались русские школы, гимназии, училища, а также учреждения высшего образования. 1920 год стал годом основания Харбинского Политехнического института [6].

В градостроительстве Харбина явно прослеживался характерный колорит петербургской архитектуры. Фасады зданий были выполнены в стиле ампира с элементами модерна, церкви с типичными луковичными куполами. В центре Харбина была выстроена большая круглая площадь с расходящимися от нее широкими проспектами и бульварами.

Основой миропонимания и системы жизненных ценностей русских харбинцев, безусловно, являлось православие. Поэтому важной составляющей духовной жизни русских эмигрантов было возведение православных храмов, их в Харбине насчитывалось более двадцати. Самым первым православным храмом, построенным в Харбине, был Никольский собор. Далее были возведены Софийский собор, Иверская церковь, Свято-Алексеевская церковь, Благовещенский храм, Покровский собор и другие. На реке Сунгари в 1921 году появилась первая иордань. Русское сообщество придерживалось национальных традиций и глубоко чтит все православные праздники [7].

Большое влияние русские традиции оказали и на формирование местной кухни. В результате чего в Китае появилось множество русских национальных продуктов, таких как квас, мороженое, колбаса, русский хлеб и прочие традиционные продукты питания.

Таким образом, Харбин постепенно стал развитым промышленным и культурным центром Маньчжурии.

Далее события, произошедшие в политической жизни России и Китая, привели к весьма плачевным последствиям, негативно отразившись на судьбах русских эмигрантов.

1924 год был ознаменован официальным признанием Китаем правительства Советской России.

Между СССР и Пекином было подписано Соглашение, согласно которому Китайско-Восточная железная дорога стала коммерческим предприятием с правом управления на паритетных началах, т.е. под совместным управлением Китая и Советского Союза. Соглашением был утвержден численный состав Правления железной дороги в составе 10 человек, по 5 представителей от

каждого государства. Возглавлял Правление председатель со стороны Китая, а со стороны Советской России и назначался его помощник.

Таким образом, произошедшие перемены внесли свои коррективы в дальнейшую судьбу русских эмигрантов, которые были задействованы на обслуживании железной дороги. Большинству из них пришлось сделать выбор в пользу советской власти во избежание потери работы, так как в соответствии с принятым Соглашением, на Китайско-Восточной железной дороге могли работать только подданные Китая и Советского Союза [9].

После оккупации Японией территории Маньчжурии все права Советского Союза в отношении Китайско-Восточной железной дороги были переданы Правительству образованного марионеточного государства Маньчжоу-Го на основе Соглашения об уступке прав от 23 марта 1935 года, которое было заключено с целью обеспечения мира на Дальнем Востоке. В результате чего многие представители русской диаспоры приняли решение о возвращении в Россию, что привело к сокращению населения Харбина на четверть.

В 1937 году были предприняты карательные меры по отношению к русским в Харбине, которым были предъявлены обвинения в шпионаже в пользу Японии. В связи с чем, находясь под натиском японских оккупантов, многие русские эмигранты попали в разряд апатридов [10]. Часть русских, обосновавшихся в Харбине, под давлением обстоятельств переселялись в другие города Китая — Шанхай и Тяньцзинь.

Шанхай стал вторым после Харбина русским культурным центром.

В Шанхае русские эмигранты также были вынуждены решать проблему сохранения своей культурной идентичности. Очень популярным направлением в тот период стала издательская и книготорговая деятельность. В Шанхае была открыта и успешно работала типография

«Слово», а также книжные магазины «Русская книга» и «Книжное дело» [11].

Наряду с Харбином и Шанхаем русская эмиграция стекалась также и в другие города Китая, например, такие как Тяньцзинь и Ханькоу. В Тяньцзинь находилось наибольшее количество иностранных концессий, их насчитывалось восемь.

С обоснованием русских эмигрантов в Тяньцзине отмечался стремительный рост экономики, открывались торговые предприятия, заводы, типографии, издательства, рестораны.

Так, русская концессия в Тяньцзине просуществовала 24 года, явив собой островок России на китайской земле. В конечном итоге, правительство Советского Союза отказалось от всех территориальных прав, и концессия была предоставлена китайскому правительству [12].

Таким образом, можно заключить, что представителям русской диаспоры удалось полностью сохранить свою культурную самобытность, фактически, не подвергнувшись воздействию со стороны чуждой культурной среды. Процессы ассимиляции с местным населением были крайне слабыми. Напротив, русские эмигранты на протяжении многих десятилетий не только сохраняли свои православные традиции, но и внесли свой существенный вклад в культурное, социальное и экономическое развитие и процветание Харбина, Шанхая и многих других городов Китая, тем самым навсегда вписав свои имена в историю этого государства.

Именно первая половина XX века стала фазой очень тесного взаимодействия русской культуры, посредством эмиграции, с одной стороны, и китайской культурной среды с другой. Определенно, подобный коммуникативный опыт соприкосновения этнически отличных культур может быть в значительной мере полезным в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924 гг.) / Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. - М.: Б.и., 1997. - 245 с.
2. Говердовская Л.Ф. Культурная жизнь российской эмиграции в Китае в 20-40-е года XX века. - М. - 167 с.
3. Ху Боя, Лу Гань. Смесь Харбинской русской диаспоры и китайско-русской культуры // Вестник Хэйлунцзянского социалистического института. Серия: Общественные и гуманитарные науки. - 2019. - № 6. - С. 45-46.
4. Хисамутдинов А.А. К истории русской общины в Пекине // Проблемы Дальнего Востока. - 2014. - № 2. - С. 30-36.
5. Ма Вэйюнь. КВЖД и Хэйлунцзянская культура. Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2010. - 210 с.
6. Ду Лигун. Белая эмиграция Тяньцзиня [Текст] // Альманах литературно-исторических материалов Тяньцзиня. - Тяньцзинь: Тяньцзиньское народное издательство, 1981. - 293 с.
7. Ши Фан История русской эмиграции в Харбине. - Хэйлунцзянское народное издательство, 2023. - 145 с.
8. Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2017. - 296 с.

9. Василенко Н.А. История российской эмиграции в освещении современной китайской историографии. Владивосток: ДВО РАН, 2003. – 220 с.
10. Ван Чжичен. История русской эмиграции в Шанхае [Текст] / Ван Чжичен. – Шанхай, 1993. – 327 с.
11. Чжун Нань. Дрожь от чтения Харбинского архива [Текст] / Чжун Нань // Хэйлунцзянские исторические заметки. – 2021. – № 1. – С. 26–29.
12. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. / Л.Ф. Говердовская. – М.: Ин-т Дальнего Востока (М), 2000. – 189 с.

© Ли Хунцзюань (bnulihongjuan@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

